Константин Антонов

«Теология — это наука о церкви как некоторой фактической данности...»

Ответы на вопросы редакции

Konstantin Antonov

"Theology is a discipline that studies Church as a certain factual reality..."

Konstantin M. Antonov — Saint Tikhon's Orthodox University of the Humanities (Moscow, Russia). konstanturg@yandex.ru

Konstantin Antonov, Chair and Professor of the leading Orthodox university in Russia, answers the questions about the status of theology as an academic discipline. In particular, he discusses issues of the subject of theology, relations between theology and the study of religion, the nature of free theological investigation and the place of confessional loyalty in academic life. In the end, the question is raised about the possibility of installing confessional disciplines in non-confessional institutes of higher education.

Keywords: theology, Russian Orthodox Church, science and religion, study of religion.

Что вы можете ответить тем, кто утверждает, что теология — это наука о Боге? Если это не наука о Боге и о мире в свете Бога, то в чем заключается особый объект и предмет теологии?

Константин Антонов: Прежде всего, надо сказать, что определение теологии как науки о Боге а-исторично в том смысле, что не учитывает изменения наших представлений о характере и возможностях научного знания. Это изменение, имеющее характер самоограничения, захватывает все науки, которые в результате уточняют свой предмет. Например, психология есть наука о сознании, поведении, психике, но никак не о «душе» в аристотелевском или средневековом смысле. Аналогично следует уточнить предметность теологии. Мне представляется, что наилучшим ва-

Антонов К. «Теология — это наука о церкви как некоторой фактической данности...» (интервью) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 200-204.

Antonov, Konstantin (2016) "Theology is a discipline that studies Church as a certain factual reality...", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 34(3): 200-204.

риантом могло бы быть ее определение как науки о вере церкви или просто о церкви как некоторой фактической данности.

Как вы относитесь к мнению религиоведов, которые считают, что теология вторгается в их пространство? В чем специфика собственно теологического подхода?

Пространство теологии определяется категориями конкретного и должного, пространство религиоведения — категориями общего и сущего. Теологи пытаются понять, во что должны верить члены конкретной Церкви, религиоведы — во что реально верят (верили) люди, к какой бы религии они ни принадлежали. Что касается «вторжения», то все науки в той или иной степени вторгаются на территорию друг друга, их области исследования пересекаются. Августином могут заниматься историки философии, историки богословия, религиоведы, психологи... Важно, чтобы сохранялось базовое различие в структуре познавательного интереса каждой науки, и тогда «вторжение» превратится в «сотрудничество в рамках междисциплинарных проектов».

Возьмем пример диссертации по религиоведению на тему «Антропология апостола Павла», в которой автор пытается ценностно-нейтрально реконструировать представления Павла о человеке. Что автору пришлось бы изменить, чтобы представить свою диссертацию в совет по теологии?

Во-первых, различие в контексте: религиоведческая диссертация рассматривала бы антропологию апостола Павла в контексте истории религиозных идей Средиземноморья, теологическая — в контексте становления церковной антропологии. Религиовед в принципе свободен по отношению к традиции толкования, он может попытаться посмотреть на антропологию Павла как таковую; теолог не может не учитывать традицию толкования, которая к тому же будет различным образом выстраиваться в зависимости от его конкретного конфессионального взгляда. Что не отменяет возможности взаимодействия между теологами и религиоведами, учета результатов друг друга. Кроме того, теолог рассматривает антропологию Павла как момент в становле-

нии нормативных представлений о человеке в рамках церковной традиции, религиовед же — просто как одну из возможных религиозных антропологий.

Если теология — наука, то какой парадигме в рамках философии науки она соответствует? Каковы критерии научности теологии? Можно ли развести научную и ненаучную теологию?

Я бы отнес теологию к гуманитарной сфере. В рамках системы богословских наук научность/ненаучность различаются так же, как они различаются в рамках истории, филологии и проч. Если человек умеет работать с текстом, то он — ученый, если не умеет — то нет. Как и в любой науке, в теологии есть некоторый набор традиционно сложившихся презумпций, отрицание которых выводит автора за грань научности. Здесь интересен случай канонизации автора, демонстрирующего неумение или плохое умение работать с текстами (например, архиепископа Серафима Соболева[1] с его методологически неадекватной критикой о. С. Булгакова).

Как определяется конфессиональность в теологии? Через самоидентификацию? Или есть объективные критерии?

Мне кажется, что во многом это вопрос принадлежности к исторически сложившейся традиции — по аналогии с национальными школами во многих науках, в том числе точных.

Что такое ортодоксальность применительно к теологии? Как вообще возможна ортодоксальность в науке?

Мне кажется, что ортодоксальность относится к теологии как мышлению. В специальных богословских науках она не имеет значения — просто в силу характера тех вопросов, которые они ставят и решают.

1. Архиепископ Серафим (Соболев) был канонизирован Архиерейским собором Русской православной церкви 3 февраля 2016 года.

Если теологическое исследование посвящено вопросу, по которому в данной конфессии нет согласованной позиции или вообще никакой позиции, то каков будет статус предлагаемых исследователем решений в соответствующей конфессии?

По-моему, роль научно-богословской экспертизы в решении тех или иных догматических или канонических вопросов сводится к историческому и логическому анализу фактов, проблем, точек зрения, а также к предупреждению о последствиях принятия того или иного решения. То есть речь не идет о самом решении как таковом. Следуя Веберу, необходимо разделять уровни исследования и политики, насколько это возможно.

Какова нормативность теологических суждений? Допустим, что теолог выдвинул и обосновал некую теологическую концепцию (например, получения автокефалии), которая стала легитимной в научно-богословском пространстве. Что это будет означать для церкви как конкретного религиозного сообщества?

Скорее, возможно использование результатов такого исследования для разработки процедуры получения автокефалии церквами, и уже потом — само получение, после того, как соответствующие решения будут приняты теми, кто полномочен их принимать. Теолог может здесь выступать как консультант, но не как лицо, принимающее решение и отвечающее за последствия.

Возможно ли в рамках университетской теологии развивать идеи, которые были отвергнуты как неприемлемые? Например, сможет ли защититься человек, который будет развивать софиологическую линию — в соответствии со всеми критериями научности?

Софиология относится к уровню богословского мышления, но человек, который в соответствии со стандартными процедурами научного метода покажет, что критика софиологии была слабой,

не отвечала необходимым критериям, имела политическую подоплеку и т.п., должен иметь возможность защититься.

Не будет ли теология, которая тяготеет к индивидуализации, разрушать иерархический строй, бросая вызов мнению или действиям церковного начальства? Что важнее: голос иерархии или итог теологической рефлексии по поводу того или иного вопроса?

Это, несомненно, произойдет и уже происходит. Теолог приобретет авторитет, который в чем-то будет вступать в конфликт с авторитетом иерархии. Но это цена, которую придется платить за легализацию теологии. Например, С.С. Аверинцев для многих является вероучительным авторитетом едва ли не большим, чем иерархи, и уж, во всяком случае, большим, чем иерархии малообразованные (а такие, увы, есть). Различие в уровне образования между иерархией и мирянами давно стерлось и даже в чем-то перевернулось, так как многие миряне образованнее клира, обладают более высокой общей культурой и даже более глубоким духовным опытом. Это реальная проблема современной церкви, и, возможно, легализация теологии станет одним из путей рационального решения этой проблемы.

Если теология может быть только конфессиональной, то как объяснить ее существование во внеконфессиональном университете? Должна ли в университете присутствовать только внеконфессиональная теология?

Мне кажется, что это не принципиальная проблема. Она решается технически, например, путем создания конфессиональных кафедр, а в больших университетах — факультетов (если у конфессий есть соответствующие ресурсы). Я бы сказал, что внеконфессиональный университет должен иметь не внеконфессиональную, а поликонфессиональную теологию.